

Хартанович В.И., Широбоков И.Г.

*Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера)*

Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: vkhartan@mail.ru

E-mail: ivansmith@bk.ru

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ «ЛОПСКИХ ПОГОСТОВ» (по краниологическим материалам из могильника XVII – начала XIX века Алозеро)

В статье представлены результаты изучения краниологической серии из могильника Алозеро (XVII – начало XIX в.) – самых ранних палеоантропологических материалов с территории Северной Карелии. Появление могильника, по-видимому, совпадает по времени с началом активного заселения карелами этой территории. Серия представлена 23 черепами (15 мужских и 8 женских). Общая краниологическая характеристика сближает их с морфологическим комплексом, преобладающим среди близких к современности групп карел. Вместе с тем в составе серии отчетливо выделяются два морфологических комплекса. Первый отличает общая массивность черепа в сочетании с его крайне высоким сводом и широким лицевым скелетом. Этот наиболее «архаичный» морфологический вариант, с одной стороны, сближает алозерскую серию с близкими к современности группами северо-западных карел, с другой – показывает генетическую преемственность северных карел и средневекового населения Северо-Западного Приладожья, а его особенности восходят к краниологическому типу мезонеолитических обитателей Балтийского региона. Второй комплекс характеризует средняя высота черепной коробки, средняя ширина лицевого скелета и высокое переносье. Здесь в наибольшей степени проявляется сходство с близкими к современности группами финнов Финляндии. Присутствие данного комплекса в составе алозерской серии, вероятно, является следствием притока переселенцев из внутренних районов Финляндии. Предполагается, что до времени освоения карелами северных областей Карелии эта территория была заселена группами, родственными современным саамам. В результате исследования в составе северокарельских групп не выявлено каких-либо следов «лапоноидности».

Ключевые слова: краниология, этническая история, карелы, финны, саамы, северные европеоиды.

Введение

Период активного освоения карелами северо-западных районов современной Карелии охватывает всего несколько последних столетий. Несмотря на то что самые ранние карельские поселения на севере региона относятся к первой половине II тыс., только в конце XVI – начале XVII в., начиная со времени Ливонской войны, здесь появились первые значительные группы финноязычных переселенцев из южных районов. В первой половине XVII в. переселение приняло действительно массовый характер: тысячи карель-

ских семей покинули оккупированные Швецией территории Карельского перешейка и Северо-Западного Приладожья и направились на новые земли. Одни устремились в юго-восточном направлении, в области расселения вепсского и русского населения – в районы Олонца и Тихвина и далее на Валдай и верхнюю Волгу, опустевшие в результате войн «Смутного времени»; другие – на территорию Средней и Северной Карелии, исторических «Лопских погостов» [Мюллер, 1947; Бубрих, 1947]. Последние к тому времени были частично освоены не только более ранними группами карел-переселенцев, но и «лешей и дикой

лопью» – населением, вероятно родственным современным саамам [Бубрих, 1971; Жуков, 2004]. Вопрос об участии саамов в сложении северных групп карел, а также правомерности отождествления «лешей и дикой лопи» и современных саамов в культурном и антропологическом отношении является предметом дискуссий специалистов и сегодня [Шумкин, 1991; Шахнович, 2007].

Во всяком случае ко времени массового переселения карел саамы в регионе если и были, то, скорее всего, имели небольшую численность. Русско-шведские войны во второй половине XVI – середине XVII в. нанесли серьезный урон местному населению. В письменных источниках есть отрывочные упоминания об истреблении шведскими отрядами «лопи», часть которой, однако, отошла в более безопасные районы [Косменко, 2006, с. 227]. Возможно, что уже к концу XVI в. саамы практически исчезли с этой территории [Мюллер, 1947, с. 16]. Какие-то их группы, впрочем, оставили след в исторических источниках региона [Жуков, 2003, 2004]. Более того, некоторые исследователи полагают возможным непосредственное участие саамов в формировании северных карел. Основанием для такого предположения являются результаты анализа этнонимов, исторических документов и народных преданий [Кузьмин, 2005].

Другая проблема в изучении истории формирования антропологического состава северных карел связана с возможностью вхождения финского компонента – переселенцев из Северо-Западного Приладожья и внутренних районов современной Финляндии. Исторические источники свидетельствуют о проникновении на территорию Северной Карелии групп не только карельского, но и финского населения. Количество финнов-переселенцев («латышей Финские и Свейские земли») оценить сложно, но сам факт такого переселения подтверждается письменными источниками [Жербин, 1956]. Существование двух потоков переселенцев выявляется и по данным топонимии. Оно подтверждается «рядом характерных карельских и “емских” дифференцирующих моделей, которые находятся на всем протяжении тех водных путей, по которым когда-то продвигалось карельское население из Корельского уезда через территорию финляндской Северной Карелии в карельское Беломорье, и особенно его западные части» [Кузьмин, 2008, с. 29]. Вероятно, численность финнов была относительно небольшой по сравнению с карельскими переселенцами, однако нельзя полностью исключать возможность определенного участия первых в сложении населения Северной Карелии.

С проблемой присутствия финского компонента в составе северных карел может быть связан вопрос о группах приботнийской «корелы», которая исторически тесно контактировала с финнами. Эти группы появились на территории современного Калевальско-

го р-на Республики Карелия в начале XVIII в. Факт их позднего переселения историки объясняют тем, что приботнийская «корела», проживавшая на территории Северной Финляндии, испытывала шведское давление в меньшей степени, чем другие группы предков современных карел. По данным Д.В. Бубриха, память о своих пришлых предках сохранялась у местного карельского населения еще в XIX в., в т.ч. в роду знаменитого рунопевца Архипа Перттунена [1947, с. 47].

Степень влияния финских и саамских групп на формирование антропологического облика собственно карельского населения невозможно оценить без анализа краниологических серий северных карел. Антропологические особенности жителей Северо-Западной России, в т.ч. и карел, хорошо изучены по материалам конца XIX – начала XX в. Эти серии черепов показали существенную разницу между антропологическими характеристиками, преобладающими в составе карельского населения, с одной стороны, и окружающих его народов, включая финские и саамские группы, – с другой [Хартанович, 1986, 1990, 1991, 1995, 2004б, 2005].

Краниологические материалы Северной Карелии представлены двумя сериями из могильников Реярви и Чикша (Калевальский р-н Республики Карелии). Результаты анализа их морфологических характеристик свидетельствуют против версий о влиянии как саамских, так и финских групп на формирование северных карел. Краниологические комплексы, преобладающие в составе этих народов, различаются вполне отчетливо. Представленный в Северной Карелии морфологический вариант даже на фоне других карельских серий выглядит самым «архаичным», выделяясь наиболее массивной и высокой черепной коробкой, широким лицевым скелетом с сильно выступающими носовыми костями [Хартанович, 2005]. Характеристики черепов из указанных могильников в наибольшей степени сближаются с комплексом признаков, выявленным у средневековых обитателей Северо-Западного Приладожья, которые могут быть отождествлены с древнекарельским населением XIV–XV вв., и у мезолитических жителей восточно-балтийского ареала [Хартанович, Ширококов, 2010]. Однако обе серии относятся к концу XIX – началу XX в. и, следовательно, хронологически отдалены от периода освоения переселенцами северных районов современной Карелии. Вплоть до последнего времени антропологическая характеристика более ранних групп северных карел оставалась неизвестной исследователям.

В 1994 г. финляндским этнографом Х. Рюткеля (музей г. Кайнуу, Финляндия) в 1,2 км к востоку от окраины заброшенной ныне деревни Алозеро был обнаружен могильник, получивший тождественное название. Памятник расположен на северном берегу оз. Юлярви, в 18 км к югу от пос. Калевала и отде-

лен от д. Алозеро проливом между озерами Алаярви и Юляярви. Он занимает западный участок единственного на озере песчаного мыса, примыкающего к каменистой озе (рис. 1).

В 1997 г. археологическая экспедиция Карельского государственного краеведческого музея провела на могильнике спасательные раскопки [Шахнович, 2000; Шахнович, Хартанович, 2002]. В 1999, 2005 и 2006 гг. в полевом изучении памятника приняли участие Североевропейский палеоантропологический отряд МАЭ РАН, специалисты-антропологии ИАЭ РАН. Площадь могильника определена в 800 м², но приблизительно треть его уничтожена эрозией почвы из-за колебаний уровня водоема. Высота сохранившейся части над уровнем воды 4–5 м. Отчетливые следы надмогильных сооружений (холмики, деревянные «домовины», кресты) не наблюдались. Общая площадь зоны археологического исследования составила 48 м² при мощности слоя до 1,5 м.

Большинство православных деревенских кладбищ Карелии обнесены оградой из валунов или деревянной изгородью. На могильнике Алозеро никаких следов специально возведенной ограды не обнаружено. Вполне вероятно, что полоса крупных валунов, являющихся естественным природным выходом по гребню озы, могла рассматриваться местными жителями как символическая «ограда», ограничивавшая могильник с севера (с юга он ограничивался береговой линией озера) [Хартанович, Шахнович, 2009, с. 106–107].

Было исследовано 39 неповрежденных погребений и собран многочисленный переотложенный остеологический материал с разрушенных участков. По нателным крестам и фрагментам чернолощеной керамики памятник датирован концом XVII – началом XIX в.

В горизонтальном плане погребения на могильнике располагались очень близко друг к другу. Находившиеся на разных уровнях захоронения иногда перекрывали друг друга, более поздние нарушали ранние. О разрушении ранних погребений поздними свидетельствует и большое количество разрозненных костей в заполнении ряда могил. Костные остатки из потревоженных захоронений иногда подкладывались в более поздние или с северной стороны гроба, или поверх крышки. Это первый из исследованных нами карельских погребальных комплексов, где наблюдались нарушения одного погребения другим. Обычно,

Рис. 1. Расположение могильника Алозеро.

в т.ч. и на средневековом могильнике Кюлялахти Калмистомяки [Хартанович, 1986, 1991; Бельский, Хартанович, 2006; Бельский, Лааксо, 2008; Хартанович, Ширококов, 2010], они располагались на расстоянии 0,5–2,0 м друг от друга, и случаев перекрытия погребений зафиксировано не было.

Погребенные располагались в вытянутом положении, на спине, головой на юго-запад. Они были помещены в прямоугольные ящики-гробовины, сделанные из «топорных» досок, крепление которых, как правило, осуществлялось без использования железных гвоздей, путем связывания по углам берестяными ремешками (рис. 2), постоянно находимыми при за-

Рис. 2. Крепление угла деревянной погребальной конструкции берестяным узлом.

Рис. 3. Берестяное перекрытие погребения.

чистке погребений. Сверху конструкции закрывались по всей площади крышки кусками бересты шириной 0,4–0,5 м, уложенными поперек длинной оси гробовища (рис. 3).

Погребальный инвентарь минимален. Крестовельников в 39 погребениях найдено девять. Другие находки – сломанное железное тесло, шесть кованых гвоздей и шесть черепков от двух мисок. Керамика представлена двумя типами: первый – чернолощенная «московская», произведенная, скорее всего, в мастерской Соловецкого монастыря; второй – «местная», сделанная вручную, не на гончарном круге, тонкостенная, с волнистым краем, неорнаментированная [Хартанович, Шахнович, 2009, с. 106].

Материалы и методы

Всего из исследованных 39 ненарушенных погребений и из осыпей разрушенных получено 30 черепов с костяками разной степени сохранности: 15 мужских, 8 женских, 7 черепов детей и подростков в возрасте от 1 до 15 лет (в основном очень плохой сохранности). Собранные краниологические материалы из могильника поступили на постоянное хранение в МАЭ РАН и зарегистрированы под № 7329. После первой предва-

рительной публикации [Хартанович, Шахнович, 2009] серия была дополнена несколькими черепами из фондов Карельского государственного краеведческого музея, что привело к некоторым изменениям отдельных средних характеристик.

Новая краниологическая серия изучалась с использованием как традиционных описательных и измерительных краниологических методик, так и современных методов многомерного статистического анализа (канонические корреляции) на фоне широкого круга сравнительных материалов с территории Северной Европы. Статистическая обработка данных проводилась с помощью программы CANON, разработанной Б.А. Козинцевым, и пакета программ Statistica 6.0.

Результаты исследования

Мужские черепа из Алозера имеют в целом довольно значительные продольные и особенно поперечные диаметры (табл. 1). Они массивны и характеризуются хорошо выраженным костным рельефом. Черепная коробка мезобрахикранная по указателю, высокая (по измерениям как от базиса, так и от порионов). При не длинном, но широком черепе величина высотного продольного указателя скорее большая, высотного поперечного – средняя. Лоб средней ширины, прямой.

Лицевой скелет довольно высокий по абсолютному размеру, средней высоты по верхнему лицевому и вертикальному фацио-церебральному указателям. Скуловой диаметр на границе средних и больших величин, но скорее большой. Длина основания как черепа, так и лица большая. Их соотношение свидетельствует о мезогнатности по указателю выступления лица при ортогнатности по общему и среднему лицевым углам. Грушевидное отверстие средней ширины, невысокое. Орбиты широкие, но не высокие, с малой величиной орбитного указателя. Лицевой скелет на уровне точки назион несколько уплощен, на уровне точки субспинале клиногнатен. Переносье и носовые кости средней ширины, высокие как по абсолютным величинам, так и по симотическому и дакриальному указателям. Нос очень сильно выступает относительно линии профиля лица.

Ранее было показано, что все близкие к современности карельские серии черепов имеют такие общие черты, как очень высокая, мезобрахикранной формы черепная коробка со средними продольными и значительными поперечными диаметрами. Лицевой скелет средневысокий, мезогнатный по указателю и ортогнатный по углам, весьма широкий в одних (северокарельских) группах, и более узкий в других (из Средней и Южной Карелии). Вполне отчетливо проявляется на всех карельских материалах и крайне своеобразное сочетание ослабленной (по европейским масштабам)

Таблица 1. Средние размеры и показатели черепов из могильника Алозеро

Признак	Мужские			Женские		
	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1	2	3	4	5	6	7
1. Продольный диаметр	14	180,0	4,5	7	169,1	6,1
8. Поперечный диаметр	15	144,2	6,8	6	137,0	5,3
8 : 1. Черепной указатель	14	79,4	2,1	6	80,7	4,0
17. Высотный диаметр	14	138,8	4,0	7	131,3	6,5
17 : 1. Высотно-продольный указатель	13	77,0	3,2	7	77,6	2,3
17 : 8. Высотно-поперечный указатель	14	96,5	4,8	6	96,7	5,4
20. Ушная высота	11	117,7	3,3	6	114,5	6,2
5. Длина основания черепа	14	101,9	3,7	8	96,0	6,0
9. Наименьшая ширина лба	15	95,1	3,5	8	93,0	3,5
9 : 8. Лобно-поперечный указатель	15	66,1	3,1	6	66,7	2,6
10. Наибольшая ширина лба	14	117,9	4,8	6	112,0	5,5
32. Угол профиля лба от п	12	85,3	3,0	5	88,0	2,8
Pg-m. Угол профиля лба от g	11	78,6	4,1	5	81,2	5,2
11. Ширина основания черепа	13	125,9	3,1	8	121,6	5,4
12. Ширина затылка	14	112,7	5,7	7	106,9	3,0
40. Длина основания лица	12	100,5	5,5	6	91,2	3,0
40 : 5. Указатель выступания лица	12	98,1	4,3	6	95,4	4,5
43. Верхняя ширина лица	11	105,0	2,0	7	101,4	4,2
45. Скуловой диаметр	13	135,6	4,5	7	124,6	3,2
45 : 8. Горизонтальный фацио-церебральный указатель	13	93,7	4,8	6	91,2	3,4
46. Средняя ширина лица	11	98,2	4,8	7	92,0	6,9
48. Верхняя высота лица	10	72,4	4,3	7	67,0	4,5
48 : 45. Верхний лицевой указатель	9	53,1	3,3	6	52,4	2,4
48 : 17. Вертикальный фацио-церебральный указатель	9	52,4	2,6	6	50,2	3,2
51. Ширина орбиты от mf	13	43,5	1,7	7	42,1	2,7
52. Высота орбиты	12	32,1	2,0	7	32,3	2,0
52 : 51. Орбитный указатель от mf	12	73,9	4,0	7	76,9	4,7
54. Ширина носа	11	25,7	2,1	7	24,7	2,0
55. Высота носа	13	51,8	3,3	7	48,1	2,8
54 : 55. Носовой указатель	11	50,4	5,5	7	51,4	4,5
SC. Симотическая ширина	13	8,9	2,1	5	9,0	1,0
SS. Симотическая высота	13	4,1	1,2	5	4,0	1,2
SS : SC. Симотический указатель	13	46,5	7,3	5	44,0	10,9
DC. Дакриальная ширина	7	22,1	1,2	3	22,4	1,8
DS. Дакриальная высота	7	12,3	1,1	3	10,5	0,3
DS : DC. Дакриальный указатель	7	55,8	7,3	3	47,2	4,9
Бималлярная ширина fmo-fmo	12	99,5	2,1	6	95,0	4,0
Высота п над fmo-fmo	12	17,0	1,7	6	17,9	2,9
77. Назомалярный угол	12	142,3	3,7	6	138,8	5,1
zm'-zm'. Зигмаксиллярная ширина	10	97,1	5,3	6	91,2	5,8

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
sub.ss/zm'–zm'. Высота ss над зигомаксиллярной хордой	10	23,2	3,2	6	23,7	3,4
Hzm'. Зигомаксиллярный угол	10	129,1	5,6	6	125,3	5,0
72. Общий лицевой угол	11	85,0	5,3	5	85,2	4,4
73. Средний лицевой угол	11	88,1	5,8	5	88,6	4,9
74. Угол альвеолярной части	10	77,3	5,7	5	75,6	6,8
75. Угол наклона носовых костей	4	51,3	3,9	2	51,0	4,2
75 (1). Угол выступания носа	4	32,3	2,6	3	31,7	4,5
Глубина клыковой ямки	10	4,0	1,5	7	2,8	1,5

профилировки лица на уровне точки називон с его выраженной клиногнатностью на уровне точки субспинале и резко выступающим носом [Хартанович, 1986]. Очевидно, что средние показатели рассматриваемых позднесредневековых краниологических материалов из Алозера не выходят за рамки вариаций одного, общего для всех карельских серий (включая черепа XIV–XV вв. из Кюлялахти) [Хартанович, Широков, 2010] антропологического типа.

Женские черепа из могильника Алозеро несколько выделяются на фоне других карельских серий (см. табл. 1). Их характеризуют меньшие размеры черепной коробки при относительно большой ее высоте, более резко профилированный лицевой скелет с высоким переносом и сильно выступающими носовыми костями. При этом выраженная клиногнатность лица на обоих уровнях отличает женские черепа от мужских с этого же памятника. Специфичность женской выборки, возможно, является результатом участия в ее формировании компонентов, не связанных непосредственно с общим карельским краниологическим типом. Однако выборка слишком малочисленна для однозначных выводов. Кроме того, сравнительные материалы для Европейского Севера представлены незначительным количеством женских серий. С уверенностью можно лишь утверждать, что особенности краниологического комплекса алозерских карелок не являются результатом влияния саамского компонента. Напротив, те морфологические особенности, которые отличают эту серию от других карельских, в еще большей степени выражают ее специфичность на фоне саамских групп.

Вместе с тем при внутригрупповом анализе в мужской серии Алозера можно выделить два различающихся между собой морфологических комплекса. Первый представлен в большей части мужских черепов (из ненарушенных погребений и осыпей) и характеризуется крайней массивностью, очень большой высотой черепа, широким, несколько уплощенным лицевым скелетом с относительно низким переносом. Второй комплекс выявлен в переотложенных

материалах (из заполнения могильных ям и осыпей) и характеризуется показателями, не укладывающимися в круг преобладающих у карел вариантов: черепа явно более грацильные, со сглаженным рельефом, низкой черепной коробкой, несколько более профилированными, особенно в носовой области, и узколицие.

Учитывая высокую таксономическую ценность на рассматриваемой территории такого показателя, как высота черепной коробки, и принимая во внимание некоторые другие существенные особенности, мы разделили серию на две группы: черепа с высокой черепной коробкой (МАЭ 7329, № 2, 10, 11, 15, 21–24, 34) и с более низкой (МАЭ 7329, № 4, 18, 19, 26, 35). Такое разделение, конечно, носит несколько условный характер. Однако, на наш взгляд, критерием корректности примененного способа классификации должно было стать соответствие или несоответствие выделенных внутри алозерской серии вариантов реально существующим среди населения ареала антропологическим типам (табл. 2). Следует отметить, что морфологическая характеристика большинства женских черепов в несколько большей степени находит соответствие в «низкоголовом» варианте с более резко профилированным лицевым скелетом и высоким переносом у мужчин, нежели в суммарной серии Алозера.

Для оценки положения изучаемой группы и выделенных в ее составе антропологических вариантов на фоне близкого к современности окружающего населения был выполнен анализ канонических корреляций 46 серий с территории Европейского Севера (мужские черепа). Использовались опубликованные данные по карелам и близким к современности группам финнов, эстонцев, саамов, ижоры, коми-зырян, русских северных областей России и шведов (табл. 3).

Канонический анализ проводился в двух вариантах. В первом использовались средние значения признаков суммарной серии из могильника Алозеро (см. табл. 1), во втором – двух выделенных внутри нее морфологических комплексов (см. табл. 2). В обоих вариантах анализа как нагрузки на канонические

Таблица 2. «Высокоголовый» (A1) и «низкоголовый» (A2) варианты краниологической серии из могильника Алозеро (мужские черепа)

Признак	A1			A2		
	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>	<i>n</i>	<i>X</i>	<i>sd</i>
1. Продольный диаметр	8	179,0	4,8	5	180,8	4,3
8. Поперечный диаметр	9	145,1	7,9	5	142,2	5,4
8 : 1. Черепной указатель	8	80,0	2,3	5	78,6	2,0
17. Высотный диаметр	9	141,1	2,6	5	134,6	2,2
5. Длина основания черепа	9	102,4	4,3	5	100,8	2,6
9. Наименьшая ширина лба	9	95,7	4,0	5	94,0	2,9
40. Длина основания лица	7	100,0	5,7	5	101,2	5,8
45. Скуловой диаметр	8	137,1	4,1	5	133,2	4,4
48. Верхняя высота лица	4	72,5	2,9	5	71,0	4,6
51. Ширина орбиты от mf	7	44,3	1,0	5	42,4	2,1
52. Высота орбиты	7	32,6	2,2	5	31,4	1,5
52 : 51. Орбитный указатель от mf	7	73,7	4,3	5	74,1	4,0
54. Ширина носа	6	26,2	2,6	5	25,2	1,3
55. Высота носа	7	51,1	3,2	5	51,4	2,7
54 : 55. Носовой указатель	6	51,4	6,6	5	49,2	4,1
SC. Симотическая ширина	7	8,7	2,5	5	9,4	1,9
SS. Симотическая высота	7	3,8	1,4	5	4,7	0,8
SS : SC. Симотический указатель	7	42,9	7,4	5	50,6	5,3
DC. Дакриальная ширина	3	22,9	0,7	4	21,6	1,2
DS. Дакриальная высота	3	11,7	1,1	4	12,8	0,9
DS : DC. Дакриальный указатель	3	50,9	4,5	4	59,5	7,1
77. Назомалярный угол	6	143,3	3,2	5	140,8	4,4
Hzm'. Зигомаксиллярный угол	5	131,0	6,2	5	127,2	4,8
72. Общий лицевой угол	5	83,8	4,0	5	83,8	3,7
75 (1). Угол выступания носа	1	30,0	—	3	33,0	2,6

векторы, так и положение групп на диаграмме существенно не различаются, поэтому их результаты отражены на одном графике. Наиболее значимыми для дифференциации анализируемых серий оказались первые два канонических вектора (КВ I и II), суммарно охватывающие ок. 2/3 общей изменчивости признаков (табл. 4). Положение групп в пространстве этих векторов отражено на рис. 4.

Признаками, определяющими направление изменчивости по КВ I, в первую очередь, являются углы горизонтальной профилировки лицевого скелета, угол выступания носа, высота лица и продольный диаметр черепа. Согласно нагрузкам, в сериях с ослабленной горизонтальной профилировкой лицевого скелета и низким лицом черепа характеризуются слабым выступанием носа и брахикранией. Очевидно, что выявленная комбинация признаков дифференцирует группы по степени выраженности лапоноидного комплекса, и области крайних значений по первому вектору

(наибольшая выраженность данного комплекса) занимают саамы. Противостоят им шведские и южные финские серии.

Направление изменчивости по второму каноническому вектору обусловлено высотой черепной коробки и положительно связанными с ней шириной черепа, лба, лица, высотой лица и углом выступания носа. Можно отметить, что и здесь определенную (но меньшую, чем в КВ I) роль играют величины углов горизонтальной профилировки лица, причем с противоположными знаками. Нагрузки на эти признаки не столь велики, чтобы достигнуть порога высокой значимости. Но при высоком черепе, широком лбе, широком и высоком лице с резко выступающими носовыми костями в сериях одновременно проявляется тенденция к увеличению назомалярного угла при уменьшении зигомаксиллярного.

Положение групп на диаграмме (рис. 4) подтверждает реальность существования такого специфиче-

Таблица 3. Сравнительные краниологические серии с территории Европейского Севера

№ п/п	Серия	Источник	№ п/п	Серия	Источник
<i>Карелы</i>			25	Аймла	[Марк, 1956]
1	Алозеро	Новые данные	26	Ряпина	То же
2	Суйстамо I	[Хартанович, 1986]	<i>Ижора</i>		
3	Турха	То же	27	Липпово	[Хартанович, 2004a]
4	Кондиевуара	»	<i>Коми-зыряне</i>		
5	Пеккавуара	»	28	Подъельск	[Хартанович, 1991]
6	Боконвуара	»	29	Грива	То же
7	Компаково	»	<i>Саамы</i>		
8	Чикша	»	30	Северная Салма	[Хартанович, 2004б]
9	Регярви	»	31	Чальмны-Варрэ	[Хартанович, 1980]
<i>Финны</i>			32	Пулозеро	То же
10	Саво	[Хартанович, 1995]	33	Варзино	»
11	Хяме	То же	34	Иоканга	»
12	Уусима	»	35	Финляндия	[Алексеев, 1974]
13	Хельсинки	»	<i>Шведы</i>		
14	Варсинайс-Суоми	»	36	Остров Рухну	То же
15	Педерсере	»	37	Финляндия	»
16	Южная Похьянмаа	»	<i>Русские</i>		
17	Северная Похьянмаа	»	38	Архангельская губ.	[Алексеев, 1969]
18	Сатакунта	»	39	Олонецкая губ.	То же
19	Ингерманландия	[Алексеев, 1969]	40	Новгородская губ.	»
20	Суйстамо II	[Хартанович, 1986]	41	Псковская губ.	»
21	Куркиёки	[Хартанович, 1990]	42	Себеж	»
<i>Эстонцы</i>			43	Вологодская обл.	»
22	Кабина	[Марк, 1956]	44	Старая Ладога	»
23	Кохтла-Ярве	То же	45	Кижы I	[Хартанович, Ширококов, 2009]
24	Варбола	»	46	Кижы II	То же

Таблица 4. Нагрузки на канонические векторы для 46 краниологических серий с территории Европейского Севера (мужские черепа)

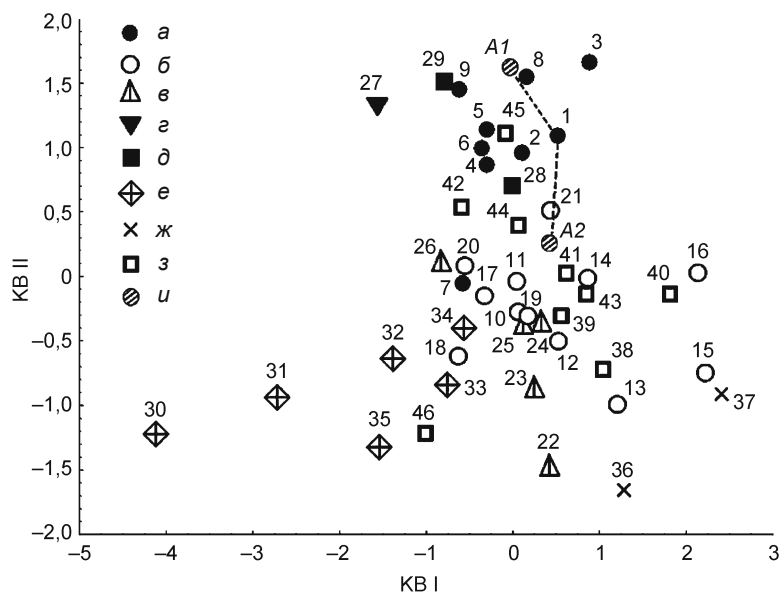
Признак	КВ I	КВ II
1	0,512	-0,108
8	-0,310	0,541
17	0,177	0,942
9	0,136	0,425
45	-0,250	0,467
48	0,553	0,456
77	-0,780	0,384
Zm	-0,550	-0,288
SS : SC	0,026	0,095
75 (1)	0,517	0,406
Охват изменчивости, %	41,4	22,9

ского краниологического комплекса, объединяющего карельские, коми-зырянские серии и группы иной этнической принадлежности со сходными морфологическими характеристиками. Противоположную область занимают саамские, шведские, некоторые финские и эстонские серии.

В целом из всех анализируемых групп именно карельские и саамские образуют на диаграмме наиболее обособленные скопления, а представленные у них морфологические комплексы задают общие направления дифференциации серий. Основная часть групп эстонцев, русских и финнов занимает общее поле значений, что, по всей вероятности, связано с их сравнительно нейтральным положением по отношению как к лапоноидному, так и специфическому североевропейскому комплексу признаков, характерному для карел, коми-зырян и ижоры. В качестве тенденции, впрочем, можно указать на некоторое

Рис. 4. Положение 46 краниологических серий (мужчины) с территории Европейского Севера в пространстве I и II канонических векторов.

a – карелы; *б* – финны; *в* – эстонцы; *г* – ижора; *д* – коми-зыряне; *е* – саамы; *ж* – шведы; *з* – русские; *и* – «высокоголовый» (*A1*) и «низкоголовый» (*A2*) морфологические варианты, выделенные внутри алозерской выборки. Нумерация групп в соответствии с табл. 3.

смещение относительно групп русских отдельных финских и эстонских серий в сторону саамских, что может объясняться исторически и географически обусловленными контактами части прибалтийско-финского населения и групп лапоноидного антропологического типа. Среди серий черепов русских исключение составляет одна выборка Кижского погоста, расположившаяся в области значений саамских групп. У населения, оставившего могильник на о-ве Кижы, выделяются два различных антропологических варианта. Один оказывается морфологически близким к лапоноидным характеристикам, а другой демонстрирует сходство с карельским комплексом [Хартанович, Ширококов, 2009].

Суммарная серия Алозера, безусловно, «вписывается» в представленный у карел специфический комплекс, занимая промежуточное положение между группами Северной и Средней Карелии. Вместе с тем выделение в ее составе двух морфологических вариантов позволило предположить участие населения разного антропологического облика в формировании популяции, оставившей могильник.

Из положения групп на диаграмме следует, что алозерская выборка черепов с высокой черепной коробкой (*A1*) максимально сближается с карельской серией из Чикши, территориально близко расположенного населенного пункта. Здесь представлен наиболее «архаичный» вариант специфического карельского комплекса, характерный для населения Западного и Северо-Западного Приладожья вплоть до времени массового переселения карел на территорию современной Средней и Северной Карелии и в наибольшей степени сохранившийся в группах северных карел.

Вместе с тем результаты канонического анализа показали, что алозерская выборка черепов с неболь-

шой (по карельским масштабам) высотой черепной коробки (*A2*) выходит за рамки вариации специфического для карел комплекса признаков. Она располагается на диаграмме в области значений групп русских северных губерний и финнов Финляндии. Представленный здесь антропологический вариант оказывается близким к характеристикам финнов, прежде всего из пров. Хяме, и русского населения, в составе которого, вероятно, был определенный прибалтийско-финский субстрат. По всей видимости, этот антропологический комплекс можно связать с переселенцами из внутренних районов Финляндии, собственно финским населением, также осваивавшим территорию Северной Карелии, о чем свидетельствуют и приведенные выше исторические источники.

Обсуждение результатов

Таким образом, проведенный анализ дает основания заключить, что в составе населения Северной Карелии конца XVII – начала XIX в., оставившего могильник Алозеро, присутствовали два антропологических типа. Один из них представляется общим для карел на всей территории их расселения. Причем в северных, наиболее географически изолированных районах он выражен в своем самом специфическом виде. Это – массивность, очень большая высота черепной коробки при широком, скорее высоком, несколько уплощенном на верхнем уровне и клиногнатном на среднем уровне лица в сочетании с сильно выступающими относительно линии профиля носовыми костями.

Второй антропологический тип, резко отличающийся от преобладающего в карельских группах, впервые выявлен в материалах из Северо-Западной

Карелии. Он близок прежде всего к краниологическому комплексу населения внутренних районов Финляндии. По-видимому, и оно в какой-то мере принимало участие в формировании антропологического состава жителей изучаемого региона.

Нужно подчеркнуть, что следов лапоноидного антропологического типа, который можно было бы связать с субстратным саамским населением «Лопских погостов», в изученных материалах не прослеживается. Результаты анализа скорее подтверждают предположение о том, что карелы в течение достаточно небольшого исторического периода продвинулись далеко на север. Вероятно, справедлива и гипотеза, согласно которой при их переселении на территорию Северо-Западной Карелии процессы вытеснения саамского населения, если оно там все-таки было, преобладали над процессами его ассимиляции.

Таким образом, морфологическая характеристика ни одной из трех известных к настоящему времени северных карельских серий не дает оснований говорить о взаимодействии карел-переселенцев с саамскими группами как о значимом факторе формирования антропологического состава населения Северо-Западной Карелии. Возможно, ко времени прихода сюда карел саамы уже оставили эти места, а может быть, они были окончательно вытеснены переселенцами без фиксируемой антропологическими источниками ассимиляции. Не исключено также, что население, обозначаемое в разнообразных источниках как «лешая лопь», «лопарь», не имеет прямого, по крайней мере антропологического, отношения к современным саамам.

Современные саамы проживают на обширнейших территориях четырех разных государств, но при этом отличаются от окружающих народов и сближаются между собой общими основными элементами культуры, языка и, несомненно, антропологическими особенностями. С одной стороны, у жителей деревень Алозеро, близких к ней Кокорино, Корелакши и Вокнаволока были записаны предания о том, что они происходят от «лопарей». Некоторые исследователи привлекают это в качестве аргумента в пользу значительной роли саамского компонента в регионе [Кузьмин, 2005]. С другой стороны, мы не имеем сегодня исторических источников, указывающих на конкретные места проживания саамов в западных областях Северной Карелии; не находим в краниологических сериях следов лапоноидного антропологического типа.

Высказано и обосновано предположение о том, что термин «лопь»/«лопарь» – это не этноним, обозначающий родственное современным саамам древнее население обширнейшего ареала Европейского Севера, где фиксируются схожие топонимы или имеются исторические источники о проживающих там «лопарях»/«лопи». Термин может относиться к разнообразным в этническом и антропологическом отношении груп-

пам разновременных переселенцев (беженцев) в глухие лесные области Карелии и Финляндии. Представляется вполне корректным предположение о том, что «это не этнические образования, пусть даже на стадии распада, а скорее группы или коллективы, объединяемые способом добычи средств существования, существенно выделяющиеся на фоне основного населения, с производящим типом экономики. Логическое сравнение этих лопарей с саамами Северной Фенноскандии по хозяйственному признаку еще допустимо, но отнесение их к южной ветви саамов совершенно необоснованно» [Шумкин, 1991, с. 146].

Согласно последним полевым изысканиям, археологические данные, «позволяющие однозначно отождествлять “лопь” XV–XVI вв. на территории Карелии и саамский этнос, отсутствуют. “Лопарские древности” Западной и Северной Карелии, описанные этнографами во второй половине XIX в., с которыми связываются местные предания, могли принадлежать карельскому населению XV–XVIII вв.» [Шахнович, 2007, с. 242]. И «ни одной бесспорной категории вещей “саамского” происхождения в границах рассматриваемого региона пока еще не выявлено» [Спиридонов, Герман, Мельников, 2006, с. 402].

Жители Центральной Карелии еще в конце XX в. называли всех, кто проживает севернее, даже в пределах одного микрорегиона, «lappalahet» – «лопарь» [Юккогуба..., 2001]. Наконец, мы сами во время работ в 70–80-х гг. прошлого столетия Северо-европейского палеоантропологического отряда МАЭ РАН на территории Карелии неоднократно слышали от информаторов, что «лопари» живут не в этой местности, а в «50–100 км севернее». Сам термин носил скорее негативную, уничижающую окраску, подразумевая «отсталых провинциалов, живущих в глухих северных местах». Причем такие сведения мы получали даже в самых северных районах. Никаких саамов, конечно, нигде не было. Вероятно, традиция имеет давнюю историю. В известном энциклопедическом труде И. Шеффера «Lapponia» есть информация о том, что во время первого крестового похода шведского короля Эйрика Святого в Южную Финляндию в 1155 г. часть местного населения отошла на север и получила у оставшихся жителей наименование «лопари» со значением «изгой, изгнанники» (см.: [Шумкин, 1991, с. 146]).

Следует еще раз обратить внимание на тот факт, что на могильнике Алозеро нами впервые на карельских памятниках были встречены случаи нарушения ранних погребений поздними. Обычно при «заполнении» отведенной для захоронений территории могильник переносился на другое место. При отсутствии надмогильных сооружений сохранялась историческая память о ранних погребениях. Представляется возможным допустить, что люди, производившие на мо-

гильнике Алозеро «поздние» захоронения, не знали о существовании здесь более раннего погребального комплекса как раз в силу отсутствия исторической памяти, а надмогильных сооружений не было.

Напомним, что все черепа, отнесенные к «низкоголовому» варианту, сходному с антропологическими характеристиками населения Финляндии, происходят только из заполнений могил или из осыпей, т.е., скорее всего, они более ранние по отношению к «высокоголовой» выборке из ненарушенных погребений и осыпей. Таким образом, весьма вероятно, что существенная разница в краниологическом комплексе двух выделенных в составе алозерской серии групп сопровождается и хронологическим разрывом между ними, т.е. на этой территории в разное время обитали различные в антропологическом отношении популяции.

Не представляет ли выявленная в Алозере группа, сходная по своим антропологическим характеристикам с финнами и, скорее всего, оставившая самые ранние на памятнике погребения, потомков упомянутых выше изгнанников – «лопарей» XII в.? Или она связана с более поздней миграцией населения, отличного по своим антропологическим характеристикам от саамов, но тоже входившего в состав жителей Северо-Западной Карелии, которых южные соседи именовали «лопарями»? Однозначно ответить на поставленные вопросы пока невозможно из-за малочисленности серии черепов из Алозера и отсутствия более ранних краниологических материалов из этого региона. Но имеющиеся данные позволяют предполагать, что состав «лешей лопи», по крайней мере, не ограничивался представителями лапоноидного антропологического типа.

Заключение

Морфологические характеристики суммарной серии мужских черепов из Алозера в целом близки таковым других карельских серий. Вместе с тем в ее составе выделяются два антропологических варианта. Один – «высокоголовый» – в максимальной степени сближает выборку с близкими к современности группами Северо-Западной Карелии, отличающимися от южных наибольшей массивностью, высотой черепной коробки и большим скуловым диаметром. В целом морфологический комплекс северокарельских черепов, в т.ч. и части алозерских, представляется наиболее «архаичным» – сходным с тем, что был распространен в прибалтийском ареале в мезонеолитическую эпоху [Денисова, 1975; Хартанович, 1986, 1991], – и характеризует антропологический облик средневековой «корелы» [Хартанович, Ширококов, 2008, 2010]. Вероятно, именно в северных, географически изолированных районах у карел до последнего времени сохра-

нялся крайне специфичный антропологический тип, в древности характерный для населения восточно-балтийского ареала. Его отличительные черты – массивность и очень большая высота черепной коробки, широкое и скорее высокое лицо, несколько уплощенное на верхнем горизонтальном уровне и клиногнатное на среднем при резко выступающих относительно линии профиля носовых костях.

Другой выделенный в составе алозерской серии антропологический вариант – «низкоголовый» – в наибольшей степени сближается с комплексом, представленным у финнов пров. Хяме. Вероятно, эта близость отражает участие в сложении населения Алозера древних или поздних групп, являвшихся выходцами из внутренних районов Финляндии.

Следует подчеркнуть, что близкие к современности северные карельские серии черепов наиболее резко отличаются по комплексу краниологических признаков от саамов Фенноскандии и Кольского полуострова, характеризующихся преобладанием совершенно иных черт – лапоноидного антропологического типа. Следы этого типа, присутствие которого можно было бы связать с субстратным саамским населением «Лопских погостов», не фиксируются и в новом, более раннем материале из могильника Алозеро. И в целом морфологические характеристики ни одной из трех известных к настоящему времени северных карельских серий не дают оснований говорить о взаимодействии карел-переселенцев с саамскими группами как о значимом факторе формирования антропологического состава населения Северо-Западной Карелии. Вероятно, при переселении карел на эту территорию процессы вытеснения саамов, если они там все-таки были, полностью преобладали над процессами их ассимиляции.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Восточной Европы: (Краниологическое исследование). – М.: Наука, 1969. – 324 с.
- Алексеев В.П.** Краниологическая характеристика населения Восточной Фенноскандии (по материалам Г.Ф. Дебеца и автора) // Расогенетические процессы в этнической истории. – М.: Наука, 1974. – С. 85–105.
- Бельский С.В., Лааксо В.** Результаты полевых исследований Карельского археологического отряда МАЭ РАН на могильнике Кюлялахти Калмистомяки в Северо-Западном Приладожье в 2007 г. (археологический аспект) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2008. – С. 178–183.
- Бельский С.В., Хартанович В.И.** Перспективы изучения могильников эпохи Средневековья в Северо-Западном Приладожье (оценка современного состояния) // Радлов-

ские чтения: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2006 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2006. – С. 244–247.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на Севере. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1947. – 52 с.

Бубрих Д.В. Русское государство и формирование карельского народа // Прибалтийско-финское языкознание. – Л.: Изд-во АН СССР, 1971. – Вып. 5. – С. 3–22.

Денисова Р.Я. Антропология древних балтов. – Рига: Зинатне, 1975. – 402 с.

Жербин А.С. Переселение карел в Россию в XVII веке. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1956. – 79 с.

Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. – Великий Новгород: Изд-во Новг. гос. ун-та, 2003. – 256 с.

Жуков А.Ю. Саами в XIII–XVII веках (публикация источников и комментариев) // Антропологический форум: Современные тенденции в антропологических исследованиях. – 2004. – № 1. – С. 298–322.

Косменко М.Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2006. – С. 158–229.

Кузьмин Д.В. Топооснова *lappi-* в топонимии беломорских карел // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. – С. 126–141.

Кузьмин Д.В. Достаточно ли емких теорий? // *Opomastica Uralica*. – 2008. – № 7. – С. 23–36.

Марк К.Ю. Палеоантропология Эстонской ССР // ТИЭ. – 1956. – Т. 32. – С. 170–228.

Мюллер Р.Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII вв. – Петрозаводск: Каргосиздат, 1947. – 176 с.

Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Средневековая археология Кижей // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. – Соловки: [Соломбальская тип.], 2006. – С. 330–408.

Хартанович В.И. Новые материалы к краниологии саамов Кольского п-ова // Сб. МАЭ. – 1980. – Т. 36. – С. 35–47.

Хартанович В.И. Краниология карел // Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 63–120.

Хартанович В.И. К краниологии населения северо-западного Приладожья XIX – начала XX в. // Балты, славяне, финны: Этногенетические процессы. – Рига: Зинатне, 1990. – С. 216–229.

Хартанович В.И. О взаимоотношении антропологических типов саамов и карел по данным краниологии // Происхождение саамов. – М.: Наука, 1991. – С. 19–34.

Хартанович В.И. Материалы к краниологии финнов // Антропология сегодня. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 1995. – Вып. 1. – С. 71–89.

Хартанович В.И. Материалы к краниологии ижоры // Расы и народы. – М.: Наука, 2004а. – Вып. 30. – С. 268–291.

Хартанович В.И. Новые краниологические материалы по саамам Кольского полуострова // Палеоантропология, этническая история, этногенез: сб. к 75-летию И.И. Гохмана. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2004б. – С. 108–125.

Хартанович В.И. Антропологический состав карельского народа (общность и специфика территориальных групп как результат межэтнического взаимодействия) // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона. – Петрозаводск: Изд-во ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2005. – С. 13–22.

Хартанович В.И., Шахнович М.М. Материалы к изучению погребального обряда и краниологии населения Северной Карелии (могильник Алозеро) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2008 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2009. – С. 104–108.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. К антропологии средневекового населения Северо-Западного Приладожья (предварительный анализ материалов из могильника Кюлялахти Калмистомяки) // Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. – СПб.: Изд-во МАЭ РАН, 2008. – С. 222–230.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. Некоторые итоги изучения краниологической серии из могильника на острове Кижы // Кижский вестн. – Петрозаводск, 2009. – № 12. – С. 311–325.

Хартанович В.И., Ширококов И.Г. Новые данные о происхождении карел (могильник Кюлялахти Калмистомяки) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 138–146.

Шахнович М.М. Могильник Алозеро – памятник начала XVIII века в Северной Карелии (по материалам раскопок) // Беломорская Карелия: история и перспективы развития. – Петрозаводск: Периодика, 2000. – С. 47.

Шахнович М.М. «Лопь» и «лопарские» памятники Северной и Западной Карелии // Кольский сборник. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 2007. – С. 228–247.

Шахнович М.М., Хартанович В.И. Православие в Северной Карелии по данным археологии и антропологии // Вестн. Карел. краевед. музея. – 2002. – Вып. 4. – С. 101–116.

Шумкин В.Я. Этногенез саамов (археологический аспект) // Происхождение саамов. – М.: Наука, 1991. – С. 129–147.

Юккогуба и ее окрестности. – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2001. – 432 с.

*Материал поступил в редколлегию 02.07.10 г.
в окончательном варианте – 06.09.10 г.*